

**Владимир
ВИШНЕВСКИЙ:
“Как я мечтал
о туфлях на липучках!”**

Я родом из советского детства, то есть из Совка. Я был тинейджером, не зная этого слова или не создавая, что оно ко мне относится.

Мое тинейджерство — это слова отца: “Вова, твой папа никогда не курил и не ругался

МК Бучевова - 2000 - 14 мая - С. 22 - 23

матом”. Это безуспешная, на определенном этапе, борьба с прыщами. Это первая битловка (битломания не обош-

МК Бучевова - 2000 - 14 мая - С. 22 - 23

ла и меня), родившаяся путем “обрезания” вполне ортодоксального советского пиджака. Это первая вечеринка с водкой и последующим бурным “тошниловом”. Мое тинейджерство — это блеф, что я уже стал мужчиной, это радиопередача “Ровесники”, членом совета которой я состою до сих пор. Это фильм “Доживем до понедельника”, абсолютно совпавший с моей личной ситуацией — в классе тоже был некий любовный треугольник, в котором мне досталась роль Шестопала.

Это желание играть на гитаре — необязательно электро — просто владеть ею и быть в центре внимания. Я даже стихи тогда написал про то, как “я пришел в компанию и там была Она”...

*...А соперник был в ударе,
В этом мире слава тем,
Кто играет на гитаре.*

Овладеть аккордами мне почему-то так упорства и не хватало.

Как и все нормальные подростки, в 15 лет я начал писать стихи. Хотя тогда мечтал стать не поэтом, а криминалистом. Вполне советская такая мечта. Не имея в те годы примера Скуратова, я и представления не имел, чем все это заканчивается. Не будучи ни маньяком, ни садистом, с интересом читал книги по судебно-медицинской экспертизе, разглядывал картинки; изучил все способы снятия отпечатков пальцев. Я вычитал в одной умной книге шведского криминалиста, что отпечатки пальцев можно снять при помощи металлической пыли и магнита. Огромным грубым напильником напилел железных опилок, довольно колких и опасных, и, не зная, сколь я наивен — там нужна особая пыль, особая техника, — покрывал ими поверхность и водил магнитом от детского конструктора. Самое забавное и чудовищное: у меня получилось, действительно проступили отпечатки пальцев.

Мое тинейджерство — это безуспешные занятия

в секции бокса с последующим переломом носа, причем не на ринге. Что заставляло меня в возрасте 16—18 лет буравить взглядом каждое зеркало, мучительно спрашивая себя: заметно или нет? И пытаться близких: правда заметно?

Первая публичная попытка самоутверждения, которая была вполне художественной. Брат — он старше меня на 13 лет — привез с каких-то экзотических гастролей настоящие лапти. Я решил появиться в них на физкультуре. В этих лаптях можно было нажать плоскостопие, они дико скользили по полу спортзала. Конечно, я был героем того волейбольного урока. Но лучший урок мне преподнес учитель физкультуры, который “пролечил” меня тем, что не заметил моего выпендрежа и полностью меня проигнорировал. Так я дебютировал как шоумен. Что касается прикидов — свитерами я переболел задолго до Шендеровича. А джинсы у меня были всегда. Благодаря маминим талантам закройщицы и тому, что старший брат у меня очень хорошо шил. Первые джинсы, которые появились у меня, позволили мне блефовать, говоря, что мой брат вернулся из Америки. Тогда только-только появились туфли на липучках, их привозили с Запада, где-то доставали. Для меня это был такой прорыв в рациональность, простоту и функциональность. Я просто ими бредил! Но продолжал их не иметь и мучился с советскими шнурками.

В музыке в те годы безраздельно царили “Битлз”, еще не окутанные ореолом ностальгичности и культовости. Это была просто современная музыка, под которую было замечательно танцевать. Танцы мы довольно долго танцевали только медленные. Не на дискотеках. Слово “дискотека” я впервые услышал в Германии, приехав туда в стройотряд, когда учился в институте. У нас были школьные вечера, “голубые огоньки”, и слово “голубой” еще не утрастило своего чистого небесного значения.